

Российская Социалъ-демократич. Рабочая Партия.

Цѣна 75 коп.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ ЕДИНОСТВО

Органъ Московскаго Комитета соціаль-
демократич. организаціи „Единство“.

Редакціонная коллегія: Тт. А. И. Авраамовъ, Г. А.
Алексинскій, А. Д. Бородулинъ, А. С. Залмановичъ
и Б. Е. Ратнеръ.

Адресъ конторы и редакціи: Б. Спиридоновка, уг. Георгіевскаго пер., д. № 25. Телефонъ 2-56-22.

№ 3.

Вторникъ 18-го (5) июня 1918 года.

№ 3.

СОДЕРЖАНИЕ: Передовая: Великая боль и великая гордость.—Г. Пригорный. Плехановъ и классовая точка зрения.—
Г. Алексинскій. Христосъ и Варрава.—П. Диавницкий. Изъ жизни Г. В. Плеханова.—А. Алексеевъ. Великій грѣхъ рус-
ской интеллигентіи.—А. Авраамовъ. Историческая заслуга Г. В. Плеханова.—„А все-таки движется“ (изъ посмертныхъ
статей Плеханова).—Привѣтъ Р. М. Плехановой.—Перечень сочиненій Плеханова.

Георгій Валентиновичъ Плехановъ.

Родился

25-го ноября

1856 г.

Умеръ

30-го мая

1918 г.

„Революціонное движение въ Россіи можетъ восторжествовать только какъ рево-
люціонное движение рабочихъ. Другого выхода у насъ нѣтъ и быть не можетъ“.

Великая боль и великая гордость.

О Плехановѣ скорбѣть всѣ. Произносять о немъ слова скорби,—и, быть можетъ, искренне произносять,—даже тѣ, кто является интеллигентуальными и моральными виновниками его преждевременной кончины, чья жалкая злоба сдѣлала все, что было въ ся силахъ, для того, чтобы отравить благородному сыну несчастной Россіи немногіе дни пребыванія въ родной странѣ, которую онъ такъ любилъ и съ которой такъ долго былъ въ разлуцѣ.

О Плехановѣ скорбѣть всѣ. Но для часъ, членовъ одной съ нимъ организаціи, утрата его особенно тяжка, боль ея особенно мучительна. Ибо былъ онъ для насы не только великимъ современникомъ, какъ для всѣхъ вообще въ Россіи, не только идеальнымъ воспитателемъ, какъ для большинства русскихъ соціалистовъ безъ различій фракцій. Онъ былъ нашъ старшій товарищъ, нашъ соратникъ, нашъ вождь. Съ именемъ Плеханова непосредственно и неразрывно связана наша фракція, и сказать: „соціаль-демократъ изъ организаціи Единства”—все равно, что сказать: „Плехановецъ”. Вокругъ Плеханова и на политической платформѣ, выработанной его усилиями, объединились въ нашей организаціи соціаль-демократы разныхъ фракцій,—бывшіе меньшевики и бывшіе большевики. И это объединеніе въ общей работе и въ одной организаціи людей, принадлежавшихъ къ разнымъ фракціямъ, но забывшихъ фракціонные счеты ради совмѣстной борьбы за настоящій соціализмъ противъ соціализма ложнаго, за настоящую свободу противъ ея извращеній.—Этому объединенію, въ которомъ наша сила и наша заслуга, положилъ начало и далъ личный примѣръ самъ Плехановъ. Съ давнихъ порь уже въ своей партійной дѣятельности онъ стоялъ выше узкихъ группировокъ по фракціямъ и отставалъ ту или иную идею не потому, что это была идея его фракціи, а потому, что въ этой идеѣ было то, что онъ, какъ научный соціалистъ и революціонный марксистъ, считалъ истиной.

Связанные ближе другихъ соціалистовъ Россіи съ работой Плеханова и его личностью, мы, соціаль-демократы изъ „Единства”, теряемъ въ немъ одного изъ своихъ; изъ нашей товарищеской семьи вырвала его безжалостная рука судьбы. Великая боль пала на наши сердца. Но пусть эта великая боль нашей братской дружины, склонившей головы передъ сѣбѣю могилой вождя, будетъ превозможена,—если можно чѣмъ-либо превозмочь ее,—гордымъ сознаніемъ, что намъ выпала на долю большая часть имѣть Плеханова въ своей средѣ.

Когда хоронили старого Бебеля, на одномъ изъ вѣнковъ, принесенныхъ рабочими къ его ногребальной урнѣ, была надпись:

„Den war er unser:
Mag das stolze Wort
Den lauten Schmerz überlösen“.

„Но вѣдь онъ былъ нашъ: такъ пусть же это гордое слово заглушитъ громкій голосъ скорби“.

Плехановъ тоже былъ нашъ. И гордое сознаніе этого пусть поможетъ намъ побѣдить нашу великую скорбь. Побѣдить, не для того, чтобы забыть о потерѣ,—такая утраты не забываются,—а для того, чтобы найти въ своихъ душахъ силу продолжить дѣло, начатое нами рука объ руку съ нашимъ покойнымъ вождемъ. Въ воспоминаніи о немъ почерпнемъ мы нравственную мощь для борьбы, столь нужную намъ въ эти трудные дни страшныхъ испытаний, которымъ подвергается вся Россія, и грубыхъгоненій, которымъ подвергаемся мы.

Нашъ покойный товарищъ былъ до конца вѣренъ своему высокому идеалу и своей родинѣ. Бужемъ же и мы вѣрны до конца и тверды, какъ тогда вѣчный мраморъ, изъ котораго благодарные потомки воздвигнутъ величественный памятникъ нашему славному вождю.

Будемъ вѣрны до конца!

А все таки движется *).

Правление политического клуба меньшевиковъ-оборонцевъ „Рабочее Знамя” въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ въ № 222 газеты „День”,—довело до моего себѣдѣнія, что я единогласно выбралъ почетнымъ предсѣдателемъ названнаго клуба. Это сообщеніе, уже само по себѣ весьма для меня лестное, сопровождалось нѣсколькими еще болѣе лестными строками, говорившими объ отношеніи къ мірѣ рабочей интелигенции.

Въ письмѣ говорится, что рабочая интелигенція, которая внесла на своихъ плечахъ практическое дѣло строительства рабочей партіи въ Россіи и пронесла черезъ всѣ препятствія знамя научного соціализма, воспитывалась на моихъ трудахъ.

Трудно выразить съ достаточной ясностью то значеніе, которое имѣютъ для меня эти строки. Скажу одно: для писателя, стоящаго на точкѣ зрения рабочаго класса, не можетъ быть болѣе высокой награды. Иронію авторовъ ильяма принялъ мою горячую благодарность за ихъ добре слово.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы поблагодарить также авторовъ довольно многочисленныхъ телеграммъ, писемъ, адресовъ, полученныхъ мною изъ разныхъ концовъ Россіи по поводу грубыхъ обысковъ, которые сдѣланы были у меня въ Наркомъ Сель. Между авторами этихъ сочувственныхъ посланий было не мало рабочихъ группъ и цѣлыхъ организаций. Смѣю думать, что эти группы и организаціи тоже принадлежатъ къ рабочей интелигенціи. А отсюда я дѣлаю тотъ выводъ, что мои тактические взгляды, подвергавшіеся различныхъ сторонъ жестокимъ нападкамъ, раздѣляются значительной частью сознательныхъ рабочихъ Россіи. И я говорю себѣ: если это такъ, то не все еще прошло и хотя крайне тяжело переживаемое нами время бѣдствий и позора, наше дѣло все таки движется.

Этотъ мой взглядъ раздѣляется, какъ видно, и правление политического клуба „Рабочее Знамя“. Оно говоритъ въ своемъ письмѣ: „и теперь, въ дни безумного кошмара, тяготѣющаго надъ родной страной, эта рабочая интелигенція поднимаетъ еще выше стягу знамя соціаль-демократіи“.

Дѣйстітельно, теперь всѣмъ намъ необходимо крѣпче, нежели когда нибудь, держать въ своихъ рукахъ старое знамя соціаль-демократіи, берущее методы и приемы своей борьбы изъ богатой сокровищницы научного соціализма. События, характеризующіе собой „дни безумного кошмара“ объясняются вѣты, что указанный методъ и приемы были несостоятельны — какъ это думаютъ нѣкоторые наши противники,— единственно тѣмъ, что они слишкомъ недостаточно распространены были въ сознаніи нашего пролетариата. Оно и понятно: старый порядокъ, ставший слишкомъ много ирепеттій для ихъ распространенія. Раздѣлившиесь съ нимъ, наша пролетариатъ не могъ сразу приобрѣсти всю ту политическую опытность, которая нужна ему,—какъ и пролетариату всѣхъ другихъ странъ,—для успѣшнаго шествія къ своей великой цѣли. Глубоко скорбя обѣ его ошибкахъ, отъ которыхъ жестоко пострадаетъ вся страна, — а прежде и больше всего онъ самъ, — будемъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, разъяснять ему правильный способъ дѣйствій.

Я очень хорошо знаю, что это совсѣмъ не легкая задача. Людямъ, берущимся за ея рѣшеніе, нерѣдко придется услышать рѣзкое слово порицанія и даже, можетъ быть, физически пострадать отъ тѣхъ, просвѣтить которыхъ они стремятся. Но съ этимъ надо заранѣе примириться. Кто берется просвѣтить сознаніе рабочаго класса, тотъ заранѣе долженъ быть освѣдомленъ о томъ, что онъ выступаетъ на ту дорогу, на которой его ждетъ больше терпій, чѣмъ рукоплесканий.

А главное будемъ помнить, что съ накимъ бы недовѣріемъ

* Редакція воспроизвѣзла эту статью Георгія Валентиновича, какъ поспѣшную передовицу, напечатанную въ редактировавшейся имъ газетѣ „Наше Единство“.

ни относились къ намъ безсознательные,—пока еще, увы! слишкомъ многочисленные,—рабочие, они были и остаются нашими братьями, просвѣщению которыхъ каждый изъ насъ обязанъ служить до послѣдняго своего издыкания (Курсъ реа.).

Чернышевскій говоривалъ когда-то: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все таки на нашей улицѣ праздникъ. И мы имѣемъ полное право съ твердой и спокойной увѣренностью повторять эти гордыя слова великаго и благороднаго русскаго соціалиста.

Г. Плехановъ.

Плехановъ и классовая точка зре́ния.

Георгій Валентиновичъ былъ близкимъ другомъ Бебеля. Если Бебель былъ сердцемъ II-го Интернационала, то Плехановъ, этотъ Апостолъ марксистской ортодоксіи, по истинѣ служилъ душою, былъ мозгомъ "Международнаго товарищества рабочихъ" второго созыва.

Токарь Бебель, какъ бы персонифицировалъ идею международного пролетариата, идею, что классъ производящий, вырастаетъ въ классъ энтузиастовъ общечеловѣческихъ устремлений и идеаловъ. Въ Бебельѣ находитъ классическое выраженіе и реализацію вѣковой тоски по нарушенной гармоніи между мускульной силой и духовной мощью человѣка^{*)}.

Плехановъ, въ горнѣѣ своего духа, ковалъ то оружіе, тѣтъ рыцагъ, которымъ пролетариатъ міра могъ быть и будеТЬ поднять до Бебеля.

Бебель—токарь, Плехановъ, какъ и Марксъ, выходецъ изъ буржуазныхъ классовъ. И въ этомъ глубокій символический смыслъ и значеніе.

Токарь Бебель, борясь за душу рабочаго класса, готовился взять на свои плечи всю вѣковую культуру, все за воеванія замирающаго въ своемъ творчествѣ буржуазнаго класса. И Бебель и Плехановъ прокладывали русло для поступательнаго классового движения не въ сторонѣ отъ буржуазной культуры, а черезъ преодолѣніе ея, раздвиганіе ея рамокъ и раззываніе тѣхъ силъ, которыхъ ею же и рождаются.

Плехановъ любилъ останавливаться на томъ противопоставленіи, которое дѣлалъ Марксъ, противопоставленіи современнаго пролетариата пролетаріямъ древнаго Рима Тамъ, въ Римѣ пролетариатъ жилъ на счетъ общества; здесь общество живетъ на счетъ пролетариата. Современные пролетаріи въ своей производственной роли черпаютъ силу и импульсы для осуществленія своей классовой эманципаціи, для своей всемирно-исторической миссіи.

Какъ бы велики ни были гнѣтъ и эксплоатациѣ, они не объясняютъ и недостаточны еще для борьбы. Формы борьбы, формы движеній опредѣляются формами сотрудничества людей, не только степенью, но и формой ихъ эксплоатации. Вотъ почему нашъ учитель, Георгій Валентиновичъ такъ много посвѣтилъ раскрытию содержанія той мысли Маркса, что рабочіе страдаютъ и отъ развитія капитализма и отъ недостаточнаго развитія его. Вотъ почему и въ программѣ с.-д. партіи, составленной Г. В., уделено центральное мѣсто идеѣ, что наша "конечная цель опредѣляется характеромъ буржуазнаго общества и ладомъ (гражданіемъ)". Здесь алфа и омега классовой позиціи Плеханова, а вмѣстѣ съ нимъ всего правовѣрнаго марксизма. Революционизирующая общество творческая роль рабочаго класса мыслится лишь въ обстановкѣ центральнаго революционизированія всей общественной экономики.

Каждый шагъ пролетариата отмѣчается поднятіемъ общаго уровня жизни, и это не смотря на то, что относительное положеніе рабочаго класса ухудшается, не смотря на то, что понятія национальное богатство и народное благосостояніе не совпадаютъ. Формы борьбы и сознаніе класса опредѣляются его общественнымъ бытіемъ. Рабочій классъ приходитъ къ соціализму, когда его вѣнчательство въ организаторскій функции раззывается дальнѣйшее поступательное шестые производительныхъ силъ страны; пролетариатъ приходитъ къ соціализму, когда буржуазія исчерпываетъ свои средства дѣлать болѣе смѣкѣ общественную экономику.

Пролетариату, когда онъ возьметъ на свои плечи организацию всей жизни общества, придется предъявить свидѣтельство, что онъ воспринялъ все цѣнное, что даю и даетъ буржуазія, что ему есть чѣмъ обогатить многогрѣковую культуру господствующихъ классовъ. Такой пролетариатъ будетъ жаждо стремиться найти свое коллективное лицо и въ литературѣ и на сценѣ, онъ будетъ знать цѣну всѣмъ видѣмъ человѣческой кооперации, цену интеллекту, цену наукъ, ему не чуждо будетъ наслажденіе отъ вырыванія тайнъ у природы.

Но для этого необходимо, чтобы пролетаріи всѣми фибрѣми своего существа, ощущали свою производственную мощь, и чтобы все общество во всѣхъ сторонахъ жизни видѣло слѣды пролетарскаго творчества, какъ классъ производящаго. Этому учитъ Плехановъ. Это за нимъ повторяли его ученики. И не даромъ бывшій ученикъ Плеханова, бывшій соціалистъ и бывшій демократъ Тропинъ изъ II парт., сѣвѣръ въ 1903 г. объяснялъ Акимову: "Его (Акимова) пугаетъ диктатура пролетариата, какъ якоинійскій актъ... Диктатура пролетариата будетъ не конспираторскимъ "захватомъ власти", а политическимъ господствомъ организованнаго рабочаго класса, составляющимъ большинство націи")".

Великая культурная всемирно-историческая миссія должна пропитать собою всю практику его дня. Плехановъ не кладѣтъ на одну полочку конечную цѣль, на другую—движение. Онъ величимъ конечной цѣли движения одухотворялъ каждый шагъ самого движения.

Много, много своего искрометнаго таланта отдалъ Г. В. на борьбу съ опошленіемъ классовой борьбы, приниженіемъ ея до классовой ненависти. Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что вѣсъ безъ изытія блужданія идейныхъ противниковъ Плеханова основывались, пытались упрощенными, поверхностными взглядами на "враждебную противоположность интересовъ пролетариата и буржуазіи".

Плехановъ зналъ цѣну теоріи, онъ зналъ, что "теорія сама становится материальной силой, когда идея овладѣваетъ массами". Но еще важнѣе то, что Плехановъ зналъ тѣ пути, какими даннныи идеи распространяются въ данной средѣ. Онъ зналъ и училъ, что пропаганда дѣйствія, когда она освѣщаетъ опытъ самого класса, а не замыкаетъ опытъ. Да и самъ повседневный опытъ Плехановъ разсматривалъ какъ опытъ учета своихъ силъ пролетариатомъ, выступающимъ везде и всюду, где есть дыханіе общественной культуры.

Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Пролетариатъ долженъ знать политический обликъ буржуазіи; онъ долженъ освободить отъ ея вліянія тѣ массы, которыи потокомъ пролетаризаціи вливаются въ составъ основныхъ кадровъ рабочаго класса. Классъ не данъ устойчивымъ. Составъ его текучъ. Тысячами переходныхъ ступеней отдѣлены передовой слой отъ всей толщи своего класса. Рость класса заключается въ отвоевываніи этой толщи отъ вліянія на нее буржуазіи.

Но какъ же авантюристъ класса самъ учится познавать себя, познавать свою политическую силу, познавать лицо своего классового противника; даѣтъ, какимъ образомъ отвоевыватъ онъ для себя отсталыя массы своего класса? Путь для всего этого только одинъ. Этотъ путь—вовлеченія массъ въ то дѣло, которое дѣлаетъ буржуазію, это путь расширенія плоскости сооприкосновенія между массами и тѣмъ, кому эти массы довѣряютъ, но сооприкосновенія въ дѣлѣ уплаты по тѣмъ векселямъ, которые этимъ массамъ были выданы. Ни одна группа, ни одна партія не можетъ быть отмѣнена, отброшена, пока она не обнаружила передъ массами своей неспособности дать то, что она обѣщала; другими словами, пока она на дѣлѣ не поставила себя въ такое положеніе, что отбрасывая ее, мы откалываемъ отъ нея и присоединяемъ къ себѣ тѣ массы, которая за нею шли!

Чѣмъ полнѣе получать всѣ живые слои и прослойки буржуазіи возможность осуществлять свои задачи, чѣмъ всестороннѣе исчерпаютъ они всѣ сферы приложения для своихъ силъ, тѣмъ лучше узнать ее пролетариатъ, тѣмъ больше самъ получить возможность участвовать въ жизни. Тѣмъ цѣннѣе значеніе своихъ силъ, ибо эти силы будутъ учтены въ практическомъ соразмѣрнѣи стихій. Классовая точка зре́ния не мирится съ классовой ограниченностью. Плехановъ не закрываетъ глаза на сложную игру антагонистическихъ силъ и въ городахъ и въ деревняхъ. Но для него ви на одинъ моментъ антагонизмъ пролетариата и буржуазіи не покрываютъ того противорѣчія, которое существовало между всѣмъ

*) Вглядитесь во всѣхъ тѣхъ, кто говоритъ о прогрессѣ: они физически выражаются.

буржуазнымъ обществомъ Россіи и полицейскимъ самодержавиемъ. Классовая точка зреій во всей сильѣ ставила передъ Плехановымъ нашу общенациональную проблему освобождения. Если пролетариатъ исторіи предоставила выигрышную позицію при решеніи этой проблемы, то та же исторія обязываетъ рабочій классъ проявить готовность къ жертвамъ и самоограниченію, обязываетъ проявить беззазѣтный энтузіазмъ для выполненія общегражданскаго долга.

Плехановъ всегда училъ, что пролетариатъ становится признанной бациллой прогресса лишь въ мѣру его умнія въ прекрасномъ порывѣ откликаться на всякую боль и горе, страдающіи ли сектантъ, или еврей, студентъ или мѣщанинъ.

Плехановъ оцѣнилъ глубочайшую мысль Маркса, которую приводилъ Мартовъ въ своей лекціи „О мелкобуржуазной стихіи въ Росс. рев.“ и которую Мартовъ не продумалъ до конца.

„Ни одинъ классъ гражданскоаго общества, — говорить Марксъ, — не можетъ играть этой роли (всеобщаго освободителя), не вызывая на одинъ моментъ въ себѣ самому энтузиазма и не заражая этимъ энтузиазмомъ массы; въ этотъ моментъ данный классъ братается и сливаются съ обществомъ, становятся на его мѣсто, чувствуетъ себя и признается всѣми общимъ представителемъ общества. Лишь во имя общихъ правъ общества, отдельный классъ можетъ претендовать на всеобщее господство. Но для завоеванія этого положенія всеобщаго освободителя, которое даётъ данному классу возможность политически эксплоатировать всѣ круги общества въ собственныхъ интересахъ, недостаточно одной революціонной энергіи...

Для того, чтобы революція народа и эманципація особеннаго класса совпали, для того, чтобы одно сословіе стало на мѣсто всего общества, необходимо, чтобы, съ другой стороны, всѣ недостатки общества концентрировались въ какомъ нибудь другомъ классѣ, чтобы опредѣленное сословіе стало сословіемъ всеобщаго отвращенія, воплощеніемъ общаго ограничія...

Для того, чтобы одно сословіе стало сословіемъ освободителемъ раг exellence, необходимо, чтобы другое сословіе стало наоборотъ, явно и очевидно сословіемъ порабощенія^(*). Плехановъ и продумалъ Маркса и творчески продолжалъ его дѣло. Для Плеханова ни на одно мгновеніе не скрыта была истинка, что пролетариатъ въ силахъ и вправѣ встать въ фокусѣ обще демократического переворота, стать собирательницей всѣй совокупности живыхъ силъ страны лишь въ той мѣрѣ, въ какой рабочій классъ главное острѣе своей борьбы направить на того врага, который для свободной Россіи сталъ средоточіемъ угнетенія и порабощенія. Лишь въ той мѣрѣ, въ какой Гогенцольернъ поддержаній широкими народными массами Австро-Германіи дѣлался поработителемъ раг exellence, пролетариатъ въ борьбѣ противъ идущаго иностраннаго ига для всѣхъ странъ, могъ претендовать уже по сверженіи царизма на роль освободителя раг exellence.

Скажемъ коротко: теоретический материализмъ — классовая концепція Плеханова отстаивалась имъ со страстью и съ энтузиазмомъ именно потому, что именно она, будучи правильно понята, обеспечиваетъ наивысшее, самое полное проявленіе практическаго идеализма и въ вопросахъ национальныхъ и въ вопросахъ общечеловѣческихъ.

Г. Пригорный.

Христосъ и Варрава.

Вы помните, товарищи, евангельское сказание о „Христѣ и Варравѣ“. Когда Христосъ, — революціонеръ того времени, былъ арестованъ врагами народа, въ онѣй съ нимъ тюрьмѣ содержался разбойникъ Варрава. И былъ тогда у іудеевъ обычай разъ въ годъ, на праздникъ, освобождать кого-либо изъ заключенныхъ, по выбору народа. Обычай этотъ долженъ быть выполненъ и въ тотъ годъ, когда судили Христа. Толпа народа пришла къ дому Пилата, который долженъ былъ дать приказъ объ освобожденіи одного заключенного. А о томъ, что случилось послѣ этого, Евангелие повѣствуетъ такъ:

„И такъ, когда собрались они, сказалъ имъ Пилатъ: — Кого хотите, чтобы я отпустилъ вамъ: Варраву или Иисуса, называемаго Христомъ, ибо зналъ, что предали Его изъ за-

висти. Но первосвященники и старѣшины возбудили народъ просить Варраву, а Иисуса погубить.

„Тогда правитель спросилъ ихъ: Кого изъ двухъ хотите, чтобы я отпустилъ вамъ. Они сказали: Варраву.

„Пилатъ говорить имъ: — Что же я сдѣлаю Иисусу, называемому Христомъ? Говорить ему вѣѣ: — Да будетъ распятъ.

„Пилатъ вѣя, что ничто не помогаетъ, но смятеніе увеличивается, взять воды и умыть руки передъ народомъ, и сказали: невинъ я въ крови Праведника сего; смотрите вы.

„И отвѣчая, весь народъ сказалъ: кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ.

„Тогда отпустилъ имъ Варраву, а Иисуса, бывъ, предаль на распятіе“. (Матфей, гл. 27, ст. 17—26).

Такъ, благодаря наивѣтамъ первосвященниковъ и фарисеевъ, упавшимъ на почву народной темноты и невѣжества, народъ отвергъ своего друга и учителя, предпочтя ему разбойника, который ничего не слѣдалъ для народа и для которого благо народа было звукъ пустой.

Но эта времененная несправедливость была только временной. Прошли года и имя Христа не только для вѣрующихъ христіанъ, но и для нерелигиозныхъ искателей добра и истины стало величимъ именемъ вождя народа, тогда какъ разбойникъ Варрава сохранился въ памяти людей лишь потому, что онъ нѣкоторое время незаслуженно успѣшио соперничать съ Христомъ въ популярности у сбитой съ толку толпы.

* * *

Христіанскоаго сказание объ Иисусѣ и Варравѣ вспоминается мнѣ всякий разъ, когда я думаю о судьбѣ, которая постигла въ Россіи нашихъ дней наиболѣе выдающихся и наиболѣе честныхъ революціонеровъ, всю душу свою, всѣ силы свои отдавшихъ на служеніе народу. Въ Россіи 1917 года невѣжественная толпа оказалась столь же несправедлива по отношенію къ своимъ истиннымъ друзьямъ и руководителямъ, какъ и въ Іудеѣ 34-го года, и даже болѣе несправедлива, чѣмъ тогда. Нѣть ни одного человѣка среди большихъ и историческихъ имёнъ нашей революціи, потому что не пришло бы подвергнуться испытанію этого незаслуженного отверженія со стороны народа. Всѣ старые борцы за русскую свободу, вся старая гвардія этой борьбы, безъ различія партій, подверглись ей. Соціалист-революціонерка Брешко-Брешковская, анархистъ Крапоткинъ, соціаль-демократъ Плехановъ! Противъ всѣхъ нихъ презрѣніе фарисеевъ возбуждало народъ лживыми рѣчами, всѣхъ ихъ поносили и оскорбляли, всѣмъ кричали: Распни его! Распни!

Какое безпредѣльное мужество, какую ясность духа, какую вѣру въ правоту своихъ идеаловъ, въ грядущее пробужденіе родного народа надо иметь имъ, этимъ старымъ бойцамъ для того, чтобы съ гордой рѣбѣнностью продолжать защищать вѣрѣніе имъ совѣтскому и исторіей настѣнѣ отъ натиска озлобленныхъ враговъ народа и ослѣпленныхъ массы несчастнаго люда, пошедшаго за своими же врагами. И сколько Варравъ сумѣлъ за эти темные дни устроить свое благополучіе на стѣнѣ толпы, добиться „почета“ и занять мѣсто вождя и учителей ихъ.

Тяжкій вѣстѣ о тяжкомъ недугѣ нашего старшаго товарища Плеханова вновь заставили менѣ вспомнить сказание о Христѣ и о Варравѣ. Вы только вдумайтесь, читатели, въ то, что случилось съ Плехановымъ за толь первый годъ, который ему довелось провести на родной землѣ послѣ десятковъ лѣтъ разлуки съ нею. Плехановъ былъ главнымъ теоретическимъ создателемъ рабочаго движенія нашей страны и однимъ изъ первыхъ практическихъ деятелей его. Нѣть кажется ни одной изъ основныхъ мыслей, высказанныхъ имъ объ общихъ явленіяхъ развитія Россіи, которая не оправдалась бы ходомъ событий, какъ оправдались и тѣ предвидѣнія, которыя имѣлъ и излагалъ онъ съ начала войны о событияхъ нашей теперешней жизни. И тѣмъ не менѣе русскіе рабочіе, большинство которыхъ онъ болѣе почти полѣтка, интересы которыхъ были главными интересомъ его жизни, не послушали его въ тотъ самый моментъ, когда это было всего болѣе необходимо для нихъ, и пошли за лже-учителями, отъ чьихъ лживыхъ словъ и лживыхъ обѣщаній у народа сейчасъ остался лишь чадъ угара, да горькое сознаніе трудно поправимой ошибки.

И только теперь, послѣ года несправедливости и заблужденія, тяжкій опытъ приводитъ рабочихъ на путь познанія настоящей истины. Какъ удушливый дымъ, подъ напоромъ грозы, разлетается по воздуху временная популярность Варравы.

^(*) К. Марксъ. Введ. въ Крит. Гег. Фил. права. См. „Лит. Насл.“ т. I, стр. 529—530.

равъ, по ошибкѣ принятыхъ за Христа. И съ каждымъ но-
вымъ днѣмъ мысль трудового народа Россіи все яснѣе по-
вращается къ тѣмъ, кого онъ еще недавно не умелъ именити. И среди этихъ временно не оконченныхъ имъ Плеха-
нова—одно изъ первыхъ. Пусть же сознаніе этого перево-
рота въ душѣ народа послужитъ нашему старшему товарищу
утѣшениемъ и подкрѣпленіемъ въ днѣ болѣзни*).

Г. Алексинский.

Историческая заслуга Г. В. Плеханова.

Георгій Валентиновичъ Плехановъ,—о которомъ съ пол-
нымъ основаніемъ, на нашъ взглядъ, взглянуть его учениковъ,
слѣдуетъ сказать, что это былъ самый замѣчательный изъ
всѣхъ русскихъ людей, жившихъ на гесемъ протяженіи де-
сятидцатаго вѣка,—почти весь свой вѣкъ, всю сознательную
часть своей жизни провелъ въ Греции. Еще въ началѣ
1880 года, онъ, жестоко пресѣбѣтъючи нопытіи царскаго
правительства, по настоячивому совету своихъ друзей, по-
кинуль Россію и перебрался въ Швейцарию. И только рас-
каты мартовской революціи 1917 года, спустя 37 лѣтъ не-
обыкновенно кипучей, творческой жизни вдали отъ горячо
любимой имъ родины, вернули его изъ "прекраснаго далека"
обратно Россіи. Но, увы! вернули, казалось, для того, чтобы
немедленно сократить жизнь этого гениальнаго русскаго из-
гнаника, быть можетъ, на одинъ-другой десятокъ лѣтъ. По
истинѣ трагична судьба русскихъ замѣчательныхъ людей!

Вдали отъ родины, въ "прекрасномъ далекѣ"! И тѣмъ не
менѣе, не было до сихъ поръ и нѣтъ сейчасъ среди настѣ
живущихъ въ Россіи русскаго человѣка, который бы такъ
страстно и настойчиво, такъ неутомимо и самоотверженно
богатъ "проблемами русской культуры", страдаль и мучился
"проклятыми вопросами" русской общественности, какъ онъ...
Плехановъ былъ убѣжденъ и преданнымъ до конца

*). Статья тов. Алексинского получена была редакціей наканунѣ печаль-
ной вѣсти о смерти дорогой утратѣ, какъ смерть Г. В. Плеханова. Считаемъ
не лишнимъ помѣстить эту статью въ номерѣ посвященномъ памяти постъ-
нико.

Ред.

Изъ жизни Г. В. Плеханова.

Плехановъ — огромная личность. Сильная, настойчивая
воля. Глубокий, блестящий умъ. Необычайная яркость и свѣ-
жесть мыслей; способность излагать ихъ удивительно просто
и выпукло. Яркая восприимчивость. Широкий кругозоръ. И
все это насквозь проникнуто высокой культурностью, истин-
нымъ гуманизмомъ, любовью къ человѣку и человѣчеству.
Въ немъ нѣтъ ничего застѣйнаго. Онъ всегда развивается;
всегда идетъ впередъ. Ищетъ и находитъ. И снова ставитъ
вопросы, и снова решаетъ.

Но въ то же время Плехановъ—всегда одинъ, цѣльный
и неизмѣнныи съ первыхъ дней своей сознательной жизни
до ея послѣднихъ дней.

* * *

Вотъ онъ—почти въ младенческомъ возрастѣ. Въ имѣніи
Гудаловъ—Тамбовской губерніи, Липецкаго уѣзда: здѣсь онъ
родился 25 ноября 1856 года. Сѣмья большая. Отецъ — Ва-
лентинъ Петровичъ Плехановъ—образцовый хозяинъ. Чело-
вѣкъ независимаго и крутого нрава. Гнѣтеть все и всѣхъ
въ домѣ. Зато пріучаетъ дѣтей къ порядку и дисциплинѣ.
Не допускаетъ сидѣть безъ дѣла.

Мать—Марья Фёдоровна, урожденная Бѣлинская (племян-
ница гениальнаго критика). Вторая жена и много моложе
своего мужа, женщина рѣдкихъ душевныхъ качествъ. Не-
дурно образованная. Владѣетъ свободно европейскими язы-
ками. Считается хорошей учительницей. Сама занимается съ
насыпками и падчерицами. Сама готовить сына въ гимназию.
Къ "людямъ" крѣпостнымъ относится гуманно, съ какой то
робкой стыдливостью.

Ребенокъ общается съ дворицей и съ деревенскими му-
жиками. Передъ нимъ проходить ихъ быть. Его лучший
другъ—кучеровъ сынъ Петруша. И горько-горько плачутъ
оба мальчика при разставаніи, когда въ 63 году — въ силу

ногтей, своихъ европейской культуры и наукъ западникомъ.
Вся огромная, не могущая быть преображеній заслуга
его передъ исторіей русской культуры заключается, коротко
говоря, въ томъ, что усвоить съ изумительной глубиной и
точностью выработанный на западѣ научный методъ пониманія
историческихъ явленій, — а такимъ явленіемъ является методъ діа-
лективскаго материализма Маркса Энгельса, — онъ примѣ-
нилъ его къ анализу русской действительности.

Конечно, не имѣ впервые поставленъ быть вопросъ о
судьбахъ русской культуры, вопросъ объ идеалахъ русской
общественности и ихъ отношении къ "дѣйствительности".
До Плеха ова жили въ подготовленіи путь для него такие ко-
рифѣи русской общественности какъ Чадаевъ, Бѣлинский,
Чернышевскій, такие же, какъ онъ, убѣжденіе и непреклон-
ные въ своей вѣрѣ въ европейскую науку и культуру запа-
дники. Но если не имѣ быть поставленъ вопросъ о судь-
бахъ русской культуры, то имѣ, Плехановъ, вопросъ этотъ
былъ впервые благополучно, съ объективной научной зна-
чимостью разрѣшены. Исходнымъ пунктомъ общественной
мысли русскихъ сознательныхъ гражданъ, имѣвшихъ смѣ-
дость смотрѣть всегда впередъ, а не назадъ, была глубоко
пессимистическая философія русской истории гениальнаго
Чадаева. Авторъ "Философического письма" Россія, какъ
известно, представлялась нашей, которая "не состязає
сіе необходимой части человѣчества" и которая, "болѣе
того, является "проблемой въ порядкѣ разумѣнія".

Безнадежный пессимизмъ первого русского западника, пы-
тавшагося дать опредѣленную, научно обоснованную кон-
цепцію философіи русской истории, стремился разобрать ро-
донаучальникъ русскихъ "просвѣтителей", Бѣлинский.

Чѣмъ отличаются "просвѣтители" въ исторіи обществен-
ной мысли всякой страны отъ "діалектиковъ"? Тѣмъ, что
первые, — какъ это видно въ каждомъ извѣстномъ исторіи
"періодѣ просвѣщенія", — въ своей критикѣ современныхъ
имъ общественныхъ отношеній исходить обыкновенно изъ
тѣхъ или другихъ симпатичныхъ имъ отвлеченныхъ прин-
циповъ, въ то время, какъ вторые изъ анализа съ мой дѣй-
ствительности и лежащихъ въ сї основѣ законовъ развитій.
Рѣмъ, что первые пользуются субъктивно-идеалистической
точкой зрѣнія на историчесѣя явленія, а вторые — объек-
тивно-научной. Тѣмъ, что первые остаются утопистами въ
политикѣ, какъ бы ни были своевременны и легко осуще-
ствимы ихъ общественные идеи, вторые, — какъ бы далеко

акта обѣ освобождений—окончательно уходить отъ номіні-
ковъ дворовые.

Вотъ Жоржъ въ Воронежѣ, въ военномъ гимназіи. Учится
превосходно. Много шалитъ. Увлекается чтеніемъ: Тургеневъ,
Гоголь, Пушкинъ, Лермонтовъ, "Иліада" Гомера. Въ посѣдѣ-
ніе (6-мъ) классѣ—Писаревъ. Тайкомъ — случайно попав-
шія произведения Герцена.

Гимназія окончена. Георгій прѣѣзжаетъ домой. Отецъ не-
давно умеръ отъ горловой чахотки. Мать продаѣтъ имѣніе.
Окресты крестьяне хотятъ купитъ, но тутъ подворази-
вается купецъ, даетъ цѣну много большую. Жалость къ
крестьянамъ борется съ долгомъ передъ дѣтьми. Марья Фё-
доровна рѣшаетъ въ пользу купца. Но сїи не можетъ до-
пустить это. Онъ — демократъ. Онъ вѣренъ своему другу
Петрушѣ. "Продадите купцу", — заявляетъ онъ твердо, спра-
шивая глазами, — "я сплю первую жатву и самъ пойду на ка-
торгу. Выбирайте". И земля достается крестьянамъ.

Плехановъ — въ Петербургѣ, въ Константиновскомъ во-
енномъ училищѣ. Тамъ — свои нелегальные кружки. Тамъ
есть библиотека запретныхъ книгъ. По рукамъ ходятъ Гер-
ценъ и Чернышевскій, подпольные изданія лавронскій "Ви-
рель", бакунистіе листки. Но въ военному дѣлу Георгій
Валентиновичъ рѣшительно не чувствуетъ призыва. Онъ
бросаетъ училище. Отлично сдавъ конкурсный экзаменъ,
попадаетъ въ Горный институтъ. Это въ 74-мъ году.

Въ Горномъ Плехановъ сердечно занимается истори-
ческими науками, специально химіей. Дѣлаетъ большиe успѣхи.
Профессора обращаются на него вниманіе.

* * *

Конецъ 75-го года.

Георгій Валентиновичъ встрѣчается съ П. Б. Аксельро-
домъ, уже нелегальнымъ. Дасть ему почечку. Всѣмъ своимъ
видомъ,— потертое платье, легкое пальто въ стужу,—своей
очевидной преданностью революціонному дѣлу П. Б. произ-

не отдавалось осуществление ихъ конечныхъ идеаловъ,— реальными, критическими, научными политиками.

Но Бѣлинскій былъ не только родоначальникомъ нашихъ просвѣтителей. Онь, какъ сказано выше, былъ предшественникомъ или предтечей Плеханова, какъ гений русской общественности, стужившаго дать, наконецъ, истинное разрешеніе проблемы русской культуры, мучившей сознательную, чуткую часть русскихъ гражданъ съ самого начала XIX вѣка. Обладая «философской организацией» ума Бѣлинскій, ставший, подъ давленіемъ неразвитыхъ въ его время, глубоко отсталыхъ общественныхъ отношеній, «просвѣтителемъ», не могъ не тянуть въ свою умъ элементы диалектики. «Въ эпоху своего знаменитаго „примиренія съ дѣйствительностью“,—такъ разъясняетъ намъ значеніе Бѣлинскаго въ исторіи русской общественной мысли Плехановъ,—онъ задался цѣлью понять ее, какъ продуктъ опредѣленного хода историческая развиція. Онъ держался тогда того мнѣнія, что идеаль, неоправдываемый самимъ ходомъ развитія „дѣйствительности“, т.-е. оторванный отъ нея, представляется себѣ нѣчто вродѣ субъективнаго каприза, не заслуживающаго ни вниманія, ни интереса. Его „примиреніе съ дѣйствительностью“ означало лишь пренебреженіе къ такому идеалу. Вногдѣстий, когда онъ уже проектируя свою статью о Бородинской битвѣ, какъ недостойной честнаго писателя, онъ, продолжая оставаться вѣрнымъ духу Гегелевской философіи, возмущался въ этой статьѣ собственно ея выводами, а не ея основными положеніями. „Идея, которую я силился развить въ статьѣ по случаю книги Глинки „Очерки Бородинского сраженія“,—говорилъ онъ,—вѣрила въ своихъ основаніяхъ“. Но онъ находилъ теперь, что ему не удалось, какъ слѣдуетъ, воспользоваться этими вѣрными основаніями. „Должно было бы развить и идею отрицанія, какъ историч скаго права, не менѣе первого священнаго, бѣзъ котораго человѣчество превратилось бы въ стоячее, воюющее болото... Но чтобы обосновать „идею отрицанія“ въ Россіи,—продолжаетъ Плехановъ,—нужно было открыть и показать, какимъ образомъ историческое развитие общественныхъ отношеній, составляющихъ данную россійскую „дѣйствительность“, должно своей собственной, внутренней логикой привести со временемъ къ отрицанію той же „дѣйствительности“, т.-е. къ ея замѣнѣ новой „дѣйствительностью“, болѣе или менѣе соответствующей идеаламъ передовыхъ личностей. Страшная отсталость тогданинѣ общественности жизни не дала Бѣлин-

скому возможности решить эту чрезвычайно важную теоретическую задачу. А такъ какъ онъ по всему своему праственному складу все таки не могъ жить въ мириѣ съ „дѣйствительностью“, такъ какъ его мириѣ съ нею было лишь перемириемъ, то ему пришлось обосновывать свою „идею отрицанія“ другимъ и уже совсѣмъ не диалектическимъ путемъ: онъ сталъ выводить ее изъ отвлеченнаго понятія о человѣческой личности, которую онъ считалъ нужнымъ обводить „отъ гнусныхъ околъ неразумной дѣйствительности, мнѣній черни и преданій варварскихъ временъ“. Но поскольку ось искать опоры въ этомъ отвлеченному понятіи постыдику онъ изъ философіи пренебрежалъ въ „просвѣтителя“.

Бѣлинскій, какъ мы видимъ, не могъ дать синтеза, гармонически согласующаго перенесенную къ намъ съ Западомъ идеологію съ русскими социально-политическими отношеніями. „Бѣлинскій“, пишетъ одинъ изъ самыхъ выдающихся учениковъ и продолжателей учения Плеханова, Л. Аксельродъ (ортодоксъ), „пережить, быть можетъ, какъ никто другой въ исторіи передовой мысли, великую и страшную трагедію, основой, сюжетомъ которой была все та же пропасть между передовыми идеалами, щедшими къ намъ изъ Западной Европы, и мертвой русской дѣйствительностью“.

Другой и при томъ самой крупной представитель русскихъ просвѣтителей,—Н. Г. Чернышевскій, еще въ меньшей степени сумѣлъ выражаясь словами Бѣлого скаго, развить идею отрицанія русской дѣйствительности, поставивъ ее въ соотвѣтствіе съ внутренней логикой ея общественныхъ отношеній. Просвѣтитель 60-хъ годовъ не искалъ никакихъ объективныхъ ручательствъ за торжество идеала, говорить Плехановъ въ своемъ известномъ сочиненіи о Чернышевскомъ. Въ его глазахъ соверенному достоинствомъ ручательствомъ за это торжество являлась сила истины, отвлеченная правильность „мнѣнія“. И тѣмъ беззоднѣе обнажала современная ему беллетристика, и вообще журналистика 60-хъ годовъ, — а это былъ золотой вѣкъ русской журналистики, эпоха наибольшаго вліянія ея на общественное мнѣніе—недостатки народной жизни и народного характера, тѣмъ охотнѣе рукоплѣсалъ онъ ей, потому что тѣмъ больше видѣлъ онъ въ ней указаній на то, что должно быть исправлено имъ, „просвѣтителемъ“. Такова была черта „просвѣтительской“ психологіи, сю бывть зараженъ и Чернышевскій.

И тѣмъ не менѣе, Чернышевскій былъ послѣ Бѣлинскаго

водить на юношну громадное впечатлѣніе. Они проводятъ время въ нескончаемыхъ бесѣдахъ на общественные темы.

Плехановъ сближается съ революціонной средою. Усиливо посѣщаетъ студенческія сходки. Здѣсь обсуждаются вопросы „о знаніи и революціи“, „оѣь агитации и пропагандѣ“, о „вхожденіи въ народъ“ и т. п. Знакомится съ видными революціонерами: Александромъ Михайловымъ, позже съ Дейчемъ и другими, затѣмъ съ передовыми представителями петербургскихъ рабочихъ. Они собираются у него на квартире.

* * *

1876-й годъ.

Происходитъ организаціонная работа, объединеніе кружковъ. Закладываются основы будущаго общества „Земля и Воля“. Въ немъ рѣшительно преобладаетъ бакунина бунтарство. За необычные въ ту эпоху прѣмы конспираціи дѣятели этихъ кружковъ сливутъ подъ кличкой „троглодиты“ (шешерные люди).

Плехановъ горитъ нетерпѣніемъ отправиться въ народъ, въ деревню. Съ рабочими онъ занимается, чтобы не сидѣть сложа руки. Но именно по настоянію передовыхъ рабочихъ кружковъ такъ называвшаяся Сѣверная Народническо-Революціонная группа рѣшаетъ устроить всенародную демонстрацію.

Шестого декабря Плехановъ выступаетъ ораторомъ на Казанской площади. Горячая рѣчь его направлена противъ русского правительства. Демонстрація выходитъ малочисленной, но много заставляетъ говорить о себѣ и многихъ пробуждается. Однако, лозунгъ „Земля и Воля“, оказывается мало понятнымъ. И народники начинаютъ задумываться надъ тѣмъ, что ихъ агитациѣ, этотъ мелкій „бунтъ“, лишь въ томъ случаѣ можетъ расчиститьъ на улицахъ, когда исходить изъ жизненныхъ вопросовъ, непосредственно затрагивающихъ рабочія массы. Этотъ опытъ они примѣняютъ немнго спустя, въ 78—79 гг., во время стачекъ на окраинахъ Петербурга.

Едва успѣваетъ Плехановъ закончить рѣчу, на демонстрантовъ набрасывается поліція. Ее поддерживаютъ дворники и добровольцы изъ приказчиковъ Милитарного ряда. Революціонеры, хотя и безоружные, даютъ отпоръ.

Ораторъ скрывается и переходитъ на нелегальное положеніе, и въ январѣ 77 года уѣзжаетъ заграницу.

* * *

Среди женевской эмиграціи въ эту пору очень мало русскихъ, человѣкъ 15, не больше. Преобладаютъ французы коммунары, ихъ нѣсколько сотъ. Знаніе языка сразу открываетъ Плеханову доступъ въ ихъ среду. Но она ему не нравится. Это — все постѣдователи Прудона и Бакунина, члены Юрской федераціи. Они группируются въ секціи по семь-восемь человѣкъ и съ полнымъ пренебреженіемъ относятся къ массѣ, къ профессиональнымъ союзамъ, которые ведутъ борьбу съ предпринимателями и объединяютъ все же значительное количество рабочихъ. Эта кружковщина всего болѣе отталкиваетъ молодого народника.

Вмѣстѣ съ докторомъ В. Ивановскимъ онъ совсѣмъ уже собралсяѣхать въ Америку, обучаться на фермѣ сельскохозяйству, чтобы, вернувшись, пойти въ народъ. Но къ этому времени рѣзко обостряется политическое положеніе во Франціи. Реакція свирѣпствуетъ. Шестнадцатого мая сдѣланы попытки государственного переворота. „Мы бы хотѣли республики республиканской!“ — воскликнѣтъ Гамбетта. На улицахъ ждутъ восстания. Оставивъ мечты объ Америкѣ, наши эмигранты спѣшатъ въ Парижъ, сразиться на баррикадахъ въ рядахъ народа. Въ юбилейный день революціи (14. июля) въ Парижѣ происходитъ огромная манифестація. Президентъ Макъ-Магонъ буквально раздѣленъ криками: „Да здравствуетъ республика!“ До баррикадъ дѣло не доходитъ. Зато Г. В. попадаетъ на одно изъ первыхъ послѣ Коммуны рабочихъ собраний. Знакомится съ П. Л. Лавровымъ и П. П. Ткачевымъ.

самымъ крупнымъ публицистомъ изъ всѣхъ тѣхъ, кто подготовилъ Плеханову теоретическую возможность въ серединѣ 80-хъ годовъ построить рѣскошное, прѣпестное, многогранное зданіе русскаго общественію политическаго міровоззрѣнія.

Какъ извѣстно, ученье Маркса, выдающимся ученикомъ и продолжателемъ, котораго Плехановъ бытъ, вышло изъ философии Фейербаха. Оно устранило недостатки тѣй философии, но устранило ихъ только потому, что послѣдовательно развило и примѣнило къ анализу общественныхъ явленій основныя положенія этой философии обѣ отнешеній субъекта къ объекти. Но въ философии Чернышевской явился вѣрнымъ послѣдователемъ Фейербаха. Пытливая мысль Чернышевскаго направляла свой умъ именно въ томъ направленіи, по какому только и могла идти передовая философская мысль XIX вѣка. Огнь Гегеля мысль эта перенесла къ Фейербаху, отъ Фейербаха къ Марксу. Чернышевскій, говорить Плехановъ, — пережилъ двѣ первыя фазы этого движения. Пережилъ третью помѣшили ему неблагонравія вицѣній условія. Но это не мѣняетъ, — прибавляетъ Плехановъ, — современнымъ марксистамъ чувствовать себя несравненно болѣе близкими къ нему, нежели къ тѣмъ мнимымъ продолжателямъ его дѣла, которые подъ предлогомъ движения впередъ, пошли назадъ и провозгласили принципы нащего пресловутаго „субъективизма“.

Безнадежный пессимизмъ и религиозный мистицизмъ, свойственный первымъ западникамъ и утопізму, свойственный западникамъ периода русскаго „просвѣщенія“ (Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ и Чернышевскій), были преодолены Плехановыми, усвоившими себѣ до конца и во всей глубинѣ dialectical методъ Маркса-Энгельса. Старый споръ славянофиловъ съ западниками былъ оконченъ. Точка зреій самобытнаго хода развитія русскаго исторического процесса, абсолютнаго своеобразія русской культуры замѣнена убѣждениемъ въ си лишь относительномъ своеобразіи. Общеевропейская исорическая наука стала и русской исторической наукой. Россия впервые, пока праща лишь идеологически, теоретически, пріобщилась, благодаря Плеханову, къ циклу европейскихъ культурныхъ странъ. Идеалы примирились съ дѣйствительностью, не переставая бороться за свое осуществленіе. Разладъ между русской интеллигентіей и русскимъ народомъ былъ, опять таки пока лишь теоретический, но все же устраненъ.

Послѣ Бастільской годовинны Плехановъ возвращается въ Россію. Въ концѣ русскаго юля онъ уже на Волгѣ, въ Саратовѣ. Къ этому времени по всему Поволжью заведены землевольческія поселенія. Плехановъ хочетъ попасть въ сельскіе учителя. Однако, не успѣваетъ. Принодитъ остатокъ дѣла въ занятыхъ съ рабочими и молодежью и сноваѣдетъ въ Петербургъ.

Послѣдующія 2 года протекаютъ чрезвычайно бурно. Плехановъ — то въ провинціи, то снова — въ Петербургѣ. Работаетъ на Дону среди казаковъ, общается со стачечниками, сближается съ основателемъ Сѣверо-Русскаго Рабочаго союза Степаномъ Халтуринскимъ. Участвуетъ въ выработкѣ программы общества „Земля и Воля“ и становится однимъ изъ редакторовъ издаваемой обществомъ газеты.

* * *

Среди революционеровъ — броженіе. Въ „стихійномъ соціализмѣ“ крестьянъ они разувѣряются. Единственной замѣтной попыткой поднять мужицкую массу является извѣстное Чигиринское дѣло (77 г.). Съ помощью подложной царской „золотой грамоты“ Стефановичу и Дейчу удается склонить на свою сторону недовольныхъ крестьянъ и обраziовать тайное братство. Но обманъ раскрывается. Я. Стефановичъ и другие арестованы.

Передъ обществомъ „Земля и Воля“ встаетъ вопросъ, какъ отнеслись къ этому дѣлу? На рѣшительномъ собрании Плехановъ съ Альтманомъ вносятъ заявление. Отдавая должное первому опыту народной революціонной организаціи, они требуютъ, чтобы примѣненное Стефановичемъ „авторитарное начало“ было признано измѣной революціонному народничеству. Въ противномъ случаѣ грозятъ выйти изъ состава общества. „Авторитарное начало“ осуждено.

* * *

Но почему все это произошло въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія? Чему самъ Плехановъ былъ обязанъ своимъ, преодолѣвшимъ всѣ теоретическія препятствія, сознаніемъ. Послушаемъ, какъ самъ Плехановъ объясняетъ зависимость хода движения русской общественной мысли, а слѣдовательно и его собственной, отъ хода движения русскихъ общественныхъ отѣсненій. „Старая московская Русь, — пишетъ Плехановъ, еще въ начѣлѣ 90-хъ годовъ, — отличалась совершенно азіатскимъ характеромъ. И ся соціальный бытъ, и ся администрація, и психология ея обывателей, — все въ ней было совершенно чуждо Европѣ и очень родствено Китаю, Персіи, древнему Египту. Къ этой Руси во многомъ безусловно примѣнима мрачная чаадаевская характеристика. Европѣцъ она не могла не представляться какимъ-то „проблемомъ по порядку разумѣнія“. Съ точки зреія европейскаго прогресса она, конечно, не составляла и не могла составлять необходимой части человѣчества, отъ котораго она надолго уединилась въ своихъ пустыняхъ. Но эта страна, къ своему великому счастью, находилась не въ Азіи, а въ Европѣ, или хотя въ сосѣдствѣ съ Европой. Всегдѣстіе этой географической особенности своего положенія московская Русь вынуждена была кѣ что занимствовать отъ своихъ сосѣдей просто изъ инстинкта самосохраненія. Уже со временія Грознаго она старалась подвинуться къ Балтийскому морю. Петръ прорубилъ, наконецъ, „окно въ Европу“. У Петра была огромная власть и желѣзная энергія. Но онъ могъ слѣдать не болѣе того, что было доступно власти. Петръ лишь придалъ европейскіе конечности къ туловищу, которое все таки оставалось азіатскимъ. Однако, новые конечности оказали огромное влияніе на природу стараго туловища. Для поддержания пореформеннаго порядка нужны были деньги. Петровская реформа дала толчокъ развитію товарного производства въ Россіи. Кроме того, для поддержания пореформеннаго порядка нужны были хоть какая нибудь фабрично-заводская промышленность. Петръ положилъ у настъ начало этой промышленности и тѣмъ тоже бросилъ на русскую почву сѣмена совершенно новыхъ экономическихъ отношеній. Въ теченіе долгаго временія насажденная Петромъ промышленность вела довольно жалкое существование, повидимому вполнѣ подчиняясь общему тону русской общественной жизни. Она была закрыта государству и сама стала крѣпостнической, держась обязательнымъ трудомъ крестьянъ, приспанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Тѣмъ не менѣе,

Не менѣе характерно отношеніе многихъ народниковъ, а послѣ и народовольцевъ къ еврейскимъ погромамъ. Въ погромахъ они, усматриваютъ пробужденіе массъ, сегодня бываю евреи, завтра будуть разбивать полицію. Плехановъ выступаетъ рѣшительно противникомъ этого взгляда. Позже, послѣ раскола, когда рѣчь идетъ о возсоединеніи революціонныхъ фракцій, Г. В. и его товарищи ставятъ Тихомирову и народовольцамъ необходимымъ условіемъ отказать отъ тактики, которая, обосновываясь вовсе не антисемістскими соображеніями, на дѣлѣ является антисемістской».

Выстрѣль Вѣры Засуличъ, а за нимъ и другіе выстрѣлы манятъ махнуть рукой на народъ и „ограничить революціонную дѣятельность единоборствомъ интелигенции съ привилѣвствомъ“.

Надо дѣлать выборъ между соціализмомъ и политикой. Либо — то, либо — другое. Такъ представляется вопросъ всѣмъ.

* * *

На Воронежскомъ съѣздѣ общество „Земля и Воля“ въ іюнѣ 79 года. А. Желябовъ формулируетъ точку зреія террористовъ, революціонеры должны оставить теперь всякую мысль о классовой борьбѣ, политическое убийство есть осуществленіе революціи въ настоящемъ.

Противъ этихъ взглядовъ, яростно восстаютъ Плехановъ. Онъ видитъ въ нихъ измѣну дѣлу народа. Онъ не хочетъ содѣйствовать этой измѣнѣ. И когда принимается одно постановленіе въ террористическомъ духѣ, онъ заявляетъ, что тѣмъ самымъ „Земля и Воля“, какъ народническая организація, перестаетъ существовать. Не желая поддерживать функцию, онъ выходитъ изъ общества.

Оставивъ съѣздъ и пославъ мотивированный протестъ по поводу своего выхода, Г. В. спѣшитъ въ Петербургъ.

она все таки совершила свою работу перерождения русского общественного тела, причемъ ей сильно помогали тѣ самыя международныя отношенія, безъ которыхъ немыслимы были дѣятельность геніального Петра. Успѣхи русского экономического развитія видны изъ того обстоятельства, что, между тѣмъ, какъ петровская реформа требовала упроченія крѣпостного права, реформа императора Александра II предполагала его отмену. Начало нового, "несимпатичнаго" народниковъ и субъективистамъ, экономического порядка относится у насъ обыкновенно къ 19 февраля 1861 года. Мы видимъ, что оно было положено еще Петромъ Великимъ. Но то справедливо, что 19 февраля дало сильнѣйший толчекъ къ развитию этого порядка; оно вызвало наружу и превратило въ могучий потокъ то экономическое теченіе, которое скрывалось подъ землею, лишь медленно и незамѣтно разрушая старую экономическую формацию. Въ теченіе тридцати съ линіймъ лѣтъ, протекшихъ со временемъ отмѣны крѣпостного права, эта старая формация совершенно вывѣтилась. Теперь нѣтъ такого захолустья, нѣтъ такого медлѣющаго уголка въ Россіи, где нечувствовалось бы могущее влияніе новыхъ экономическихъ отношеній. Петровская реформа дошла до своего логическаго конца, по крайней мѣрѣ въ экономической области; новыя европейскія руки окончательно переродили старое московское туловище. И какъ бы кто ни вздыхалъ теперь о старой московской обломовицѣ, ея не воскресить уже никакая сила. И наприѣто наши староѣфины ищутъ на ея могилѣ: "покойся, милый другъ, до радостнаго утра". Теперь мы безвозвратно вовлечены въ экономическое движение цивилизованнаго человѣчества и никакого утра для старой московской обломовицы не будетъ. *Finis Moscoviae!*

Ты побѣдилъ, саардамскій плотникъ!

Но если наша экономическая обломовиця похоронена навѣки, то это именно и значитъ, что наступаетъ утро для Новой Россіи и что чаадаевскій "выстrelъ" быть фальшивой тревогой. Такъ, съ материалистической точки зрѣнія и, прибавимъ отъ себя, ставшей благодаря Плеханову национальнымъ достояніемъ—лишается всякаго основанія *пессимизмъ* и *проспій на почву идеализма*.

Синтезъ всѣхъ русскихъ соціально-философскихъ учений, пытавшихъ разрѣшить проблему русской культуры, исходя изъ основъ общечеловѣческаго западно-европейскаго міросозерцанія, былъ данъ впервые въ заключеніи видѣ Плехановомъ, который былъ столь же страстнымъ, самоотверженнымъ,

здѣсь встрѣчается со старымъ товарищами, прибывшими изъ-за границы В. Засуличъ, П. Аксельродомъ, Я. Стефановичемъ и другими. Они всецѣло согласны съ Плехановымъ. "Земля и Воля" распадается на двѣ части. Цѣнность "Народной Воли" завершается цареубийствомъ. Послѣ 1 марта общество, какъ и предсказывалъ Плехановъ на Воронежскомъ съѣзѣ, совершенно разгромлено.

Но и попытка "Чернoperедѣльцевъ" воскресить старое революціонное народничество кончается неудачей. Плехановъ и его товарищи издаются иѣсколько номеровъ журнала и прокламаций. Не слѣдуетъ думать, что группа "Чернаго Передѣла" вовсе отказывается отъ политики. Она лишь предостерегаетъ "отъ излишнаго увлеченія задачами чисто политического характера, могущаго отвлечь партию отъ единственно возможнаго для нея пути—агитации на почвѣ требованій народа, выраженныхъ лозунгомъ Земля и Воля". Органической связи между политикой и соціализмомъ нѣть.

* * *

Послѣ арестовъ въ началѣ 80 года Плехановъ окончательно покидаетъ Россію. Переѣхавъ онъ знакомится съ редакціей и сотрудниками "Русскаго Богатства" Златовратъ и Кривенко и другими. Часто съ нимъ спорить. Это не мѣшаетъ позицію въ названномъ журнальѣ его статьи объ общинномъ землевладѣніи. Когда же Плехановъ присыпаетъ статью о Съѣзѣ англійскихъ потребительныхъ обществъ, где проводитъ ту мысль, что этими обществами съ капитализмомъ не справиться, "Русское Богатство" отказывается ее печатать. Златовратский "не узнаетъ" Плеханова. Тутъ уже намѣщается линія расхожденій будущихъ марксистовъ и легальныхъ народниковъ. Не даромъ говорилъ Кривенко: "Не выгодно намъ материалистическое объясненіе истории". Всѣ этикъ то побочныхъ соображеній въ теоретическомъ изслѣдованіи не можетъ никогда понять Г. В. Онъ стремится къ истинѣ, какая бы горькія разочарованія она ни приносила.

* * *

женнѣмъ практическимъ лѣтателемъ, политикомъ и публицистомъ, какъ и глубокимъ соціальнымъ философомъ, историкомъ, теоретикомъ. Въ немъ, также какъ и въ Марксе, было рѣдкое соединеніе научной глубины и революціонной смѣлости. Но и та и другая сторона его нравственного существа была посвящена прежде всего *русской* культурѣ и уже затѣмъ культурѣ *мировой*. Плехановъ, быть, на нашъ взглядъ *гениемъ*, но въ противоположность Марксу, Царину, Копернику, гениемъ не міровой величины, а *национальной*, не гениемъ человѣчества, а гениемъ русской націи. Говоря такъ, мы ясно отдаемъ себѣ отчетъ въ заключающейся въ приведенныхъ словахъ онѣнѣ Плеханова и его значеніи въ соціальномъ движении нашей эпохи.

Въ нихъ вѣтъ риска преувеличить значеніе Плеханова въ исторіи русской общественности и культуры, что было бы такъ понятно, если бы мы хотѣли минуту позовили охватившему настѣ чувству тяжелой неизѣвратной утраты увлечь за собой и нашъ разумъ. Но съ другой стороны, мы не повинны будемъ и въ преуменьшеннѣ его значенія въ міровомъ соціальномъ движении,—намъ ли, его наѣрѣмъ ученикамъ, преуменьшить заслуги своего учителя!—ибо никакъ не забываемъ выдающейся роли, сыгранной имъ въ международномъ соціалистическомъ движении, какъ разъ въ первую времена со дня смерти Маркса и понынѣшний день. Плехановъ былъ самыи замѣтнѣйшимъ ученикомъ и продолжателемъ ученія Маркса-Энгельса. Ученіе научнаго соціализма обізано ему больше, чѣмъ кому либо постѣ смерти его основателей. И все же эти заслуги передъ міровой культурой не дѣлаютъ его гениемъ міровой величины. Национальный гений творить неизѣвржно и для всей міровой культуры, но будучи гениемъ въ предѣлахъ одной націи, онъ перестасть быть такоимъ, когда направлять свое творчество на все человѣчество. Наоборотъ, творчество мірового гения всегда геніально: направлено ли оно на часть человѣчества или на все человѣчество. Поэтому воздавая должное и Марксу и Плеханову, мы скажемъ: если подвигъ и заслуга жизни Маркса—качество мірового гения, то подвигъ и заслуга жизни Плеханова—качество национального гения. Здѣсь предѣлы и историческихъ заслугъ нашего учителя..

Въ мартѣ 1883 года Фридрихъ Энгельсъ по случаю смерти своего иитимнаго друга и геніального основателя научнаго соціализма писалъ своему другу Зорге: "Свершилось! Человѣчество стѣжалось на пѣху голову ниже и при томъ на

Послѣ полугодового пребыванія въ Женевѣ, гдѣ онъ сходится съпольской эмиграціей Дикштейномъ, Мендельсономъ и др., Плехановъѣдетъ въ Парижъ. Это былъ годъ возврата коммунаровъ. Впервые выступаетъ вернувшаяся изъ Новой Кaledонії Эдуардъ Миншель на огромномъ собраниѣ 20.000 человѣкъ. Собрания стѣжаются одно за другимъ. Похороны Ог. Бланки обращаются въ грандиозную демонстрацію. Затѣмъ проходитъ демонстрація въ честь Виктора Гюго. Всѣ эти проявленія европейскаго, городскаго движения оказываютъ серьезное влияніе на психику русскаго народника. Но онъ не довольствуется вѣнчаными впечатлѣніями. Усердно посѣщаетъ парижскіи библиотеки и принимается за основательное изученіе европейскаго соціализма.

* * *

Усвоивъ основные положенія марксизма и, главное, его методъ, Плехановъ приходитъ къ выводу, что необходимо этотъ методъ изслѣдованія применить къ Россіи. Онъ ищетъ линію развитія страны и находитъ ее въ развитіи капитализма и связаннымъ съ нимъ развитіи рабочаго класса. Онъ становится соціаль-демократомъ и провозглашаетъ классовую борьбу русскихъ рабочихъ основнымъ факторомъ освободительнаго движенія въ Россіи. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая. Противорѣчіе между классовой борьбой, борьбой за соціализмъ и политикой падаетъ.

Такъ справляется Плехановъ со своею задачей. Такъ находитъ онъ рѣшеніе вопроса о трудахъ и угнетенныхъ, который захватываетъ его съ дѣтства.

П. Дневницкий.

самую замѣчательную голову изъ всѣхъ, которая теперь существовали".

Также, тѣми же торжественно-печальными словами, замѣнивъ въ нихъ лишь одно слово, нынѣ въ юни 1918 года откликаемся мы на извѣстіе о трагической въ нѣкоторомъ смыслѣ смерти нашего учителя, Георгія Валентиновича Плеханова:

Свершилось! *Rossia* стѣлалась на пѣскую голову ниже и при томъ на самую замѣчательную изъ всѣхъ, которая теперь существовали.

Алексѣй Авраамовъ.

Великий грѣхъ русской интеллигенціи.

...За великое имя обидно!"
(Некрасовъ).

Умеръ Плехановъ... Угласла благородная жизнь великаго вождя... На чужбинѣ, въ глухи холодной Финляндіи, отрѣзанный отъ всего міра, почти одинокой въ предсмертной часѣ, умеръ этотъ славнѣйший изъ славныхъ. Остановилась свѣтлая мысль, 40 лѣтъ трепетно и напряженно искашавшая истины, и никогда—никогда больше рука великаго Учителя жизни не возьмется за перо! И мы, его ближайшіе и вѣрные ученики, не имѣемъ даже утѣшенія сказать себѣ и другимъ, что мы присутствовали при послѣднихъ минутахъ его жизни, что мы посильнѣ облегчили ихъ, и что послѣднія слова его, благоговѣйно нами записанныя, мы передадимъ всему рабочему классу и грядущимъ поколѣніямъ!

Больно и тяжело. И не только скорбь охватываетъ насъ, но и стыдъ—жгучий стыдъ. Ибо глаза учителя, прежде чѣмъ сокнуться навсегда, увидѣли постыдное, и чуткій слухъ его, болѣзнью напряженный, уловилъ позорное и оскорбительное...

Мои товарищи, быть можетъ, сумѣютъ въ этотъ скорбный часъ подавить въ себѣ чувства обиды и гнѣва. Кто можетъ вмѣстить—да вмѣстить. Я же не могу „вмѣстить”—не могу удержаться отъ горькаго упрека...

Кто виноватъ въ томъ, что Плехановъ *такъ* умеръ?

Рабочій классъ? Но вѣдь онъ—все еще Великий Слѣпецъ, лишь начинающій прозрѣвать, — все еще только *зрѣющій* наслѣдникъ культурныхъ цѣнностей, что созданы Толстымъ и Достоевскимъ, Чернышевскимъ и Плехановымъ. Откровеніе Революціи пришло къ пролетаріату Россіи, воистину, „въ грозѣ и бурѣ“, и раскатами ея грома заглушены были вѣція слова Учителя, обращенные къ рабочему классу.

Неправда, что русскій рабочій классъ отвернулся отъ Плеханова. Онъ, просто, не зналъ Плеханова, пока еще не зналъ...

Но интеллигенція наша—она ли не знала автора „Нашихъ разногласій“? Чуткая, вѣчно ищущая, вѣчно мятущаяся въ порывахъ „святого беспокойства“, русская интеллигенція сумѣла раньше всего остального культурного міра понять и оцѣнить норвежца Ибсена, бельгійца Верхарна, американца Уитмена и столько другихъ. Ихъ, далекихъ представителей чужой культуры, она полюбила какъ родныхъ и близкихъ, ихъ она возвела на пьедесталъ. А Плехановъ такой родной и безконечно близкій намъ по духу — почему онъ, недавний властитель думъ,—тотъ, кому принадлежать вдохновленія страницы „Монистического взгляда на исторію“, — почему онъ внезапно сталъ чуждыемъ, далекимъ и... ненастистнымъ? Да, даже ненавистнымъ!

Война ожесточила всѣ сердца. Быть можетъ, поэтому русская интеллигенція была такъ неблагородно-безжалостна, такъ беспощадна къ Плеханову. Она не только отвернулась отъ Плеханова, но и—стыдно сказать!—оплевала своего Учителя. Прежде еще, чѣмъ пробудившійся рабочій классъ

успѣлъ оглядѣться и отличить друзей отъ враговъ, интеллигенція указала ему на Плеханова и бросила въ его ряды жестокій кличъ: „Распни его! Распни!“

Некультурная масса за годъ революціи успѣла уничтожить несмѣтное количество цѣнныхъ произведений искусства. Культурная интеллигенція за то же короткое время успѣла снять съ поста славнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ своихъ вождей.

Темная масса не понимала значенія уничтожаемыхъ цѣнностей. Но высоко образованная интеллигенція прекрасно понимала значеніе писателя и трибуна народнаго, глубокая мысль котораго явно отмѣчена была печатью генія.

Ки Трубецкой писать на-дняхъ, сравнивая русскую демократію съ афинскою, что величайшій грѣхъ афинской демократіи былъ тотъ, что она убила Сократа; русская же демократія,—говорить онъ,—не убила своего Сократа только потому, что она его не имѣла. Это неправда: у русской демократіи *была* свой Сократъ, и она такъ же, какъ и афинская демократія, убила его.

Въ этомъ—великій грѣхъ русской интеллигенціи. Въ этой смерти генія, павшаго подъ ударами высоко-образованной чернѣи,—глубочайшій символъ нашей революціи, съ первыхъ шаговъ своихъ отвернувшейся отъ своего культурнаго наследства.

И вотъ, Учителя не стало. Онъ ушелъ въ безвременную могилу съ истерзанной душой, съ разбитымъ сердцемъ.

Осиротѣли мы, его ученики, осиротѣть, — еще только смутно догадываясь объ этомъ,—руssкій рабочій классъ. И, когда вѣсть объ этой смерти донесется до Западной Европы и до Америки, отъ боли и гнѣва вздрогнетъ и, какъ и мы, почувствуетъ себя осиротѣвшимъ весь рабочій Интернациональ, такъ недавно еще потерявшій Бебеля и Жореса, а нынѣ теряющій Плеханова.

Плехановъ умеръ, такъ и не дождавшись лучшихъ дней. Онъ умеръ, но жуткая трагедія его души принадлежитъ исторіи. На протяженіи вѣковъ она будетъ вдохновлять поэтовъ и художниковъ, какъ и трагедія души Гамлета, какъ и трагедія Faуста и короля Лира. И наши отдаленіе постыдно станутъ благоговѣйно склоняться передъ свѣтлой памятью величайшаго иштолога Русской Революціи, ставшаго и ея Величайшимъ Мученикомъ.

Плеханова ужъ нѣтъ среди настѣ, но его мысль будетъ вѣчно съ нами. Въ минуты сомнѣній и унынія, мы нензмѣнно будемъ обращать свой взоръ къ тому, что осталось безсмертнаго отъ любимаго Вождя.

Прекрасная душа Плеханова не знала низменной злобы. Почти наканунѣ смерти, уже испивъ до дна всю горькую чашу, поднесенную къ его устамъ безжалостной рукой русской интеллигенціи, Г. В. пишетъ намъ: „Товарищи, никогда не отзыдайтесь рѣзко о рабочемъ классѣ!“ Эта благородный завѣтъ вѣчно будетъ жить въ нашихъ сердцахъ.

Теперь, когда Плехановъ уже не страшенъ, когда можно уже не бояться огненнаго обличающаго слова могущаго трибуна,—теперь русская интеллигенція откликнулась. Мы не умѣемъ беречь и чтить при жизни нашихъ великихъ людей, но зато хоронить ихъ мы умѣемъ. Спокойно и рѣшительно, безъ излишней рѣзкости, но съ непоколебимой твердостью должны мы отклонить это позднѣе раскаяніе и отвести руки тѣхъ, кто еще такъ недавно отказался протянуть имъ для того, чтобы защитить старого ветерана революціи отъ обмылокъ и грубыхъ насилий. Поздно, слишкомъ поздно!

А. Г. Алексѣевъ.

Послѣдніе дни Г. В. Плеханова.

По словамъ жены покойного Георгія Валентиновича, Р. М. Плехановой, мысль о судьбахъ Россіи, о судьбахъ Европы не оставляла Г. В. до конца, и даже послѣдніе дни, въ бреду, онъ вспоминалъ и обращался къ Вандервельде. Къ мысли о смерти, о ея неизбѣжной близости онъ относился мужественно, и одинъ разъ, успокаивая неспавшую Р. М., сказалъ: „вѣдь мы—старые революціонеры, вынесшіе въ своей жизни гораздо большія испытанія, чѣмъ это“.

Телеграмма Р. М. Плехановой.

Московскій Комитетъ послалъ вдовѣ Г. В. Плеханова, Плехановой слѣдующую телеграмму:

Дорогая Розалия Марковна,

Намъ не приходится увѣрять Васъ въ нашей скорби о кончинѣ Георгія Валентиновича.

Ваше горе—наше горе.

Больше того, это горе русскаго пролетаріата и всего русскаго народа.

Мы будемъ свято чтить память Плеханова и работать, исполняя завѣты нашего учителя.

Московскій Комитетъ Всероссійской с.-д. организаціи „ЕДИНСТВО“.

4 июня 1918 г.

Свѣтлой памяти вождя.

„Я не буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ.“

Темные люди занесли нашего славнаго, любимаго вождя въ черные списки враговъ народа.

Наша гордость, нашъ другъ и учитель былъ причисленъ къ контр-революціи, къ черной измѣнѣ флагу народа.

Темные люди скоро, теперь совсѣмъ уже скоро узнаютъ всю правду.

И будетъ имъ стыдно, мучительно стыдно за темное дѣло.

Полѣвка болѣло за родной народъ, за родину былое его великое сердце.

И сгорѣло оно!

Испепелила его святая тревога за раненую смертельно отчизну.

Мятежное сердце, ты ужъ не бѣшись!

Неумолично работала мысль, мысль борца, вѣдано юная, мысль ясная, свѣтлая...

Онъ умеръ, нашъ вождь!

Но умеръ, какъ жить.

Умеръ борцомъ и умеръ свободнымъ!

И безчестнаго мира, мира позорного съ закрытымъ вратомъ міровой демократіи онъ не призналъ.

Свободнымъ умеръ нашъ вождь...

Братья, граждане, дѣти Россіи!

Всѣ, кто родину помнитъ еще, кто съ гордостью носить санъ гражданина,—

Знайте: не умеръ нашъ вождь!

И если истерзанной, замученной нашей отчизнѣ суждено судью воскреснуть, то снова услышите огневое слово,

И въ вѣсъ оживеть его мысль,

И снова забыться великое сердце народа.

Мы вѣримъ, не даромъ шелъ впередъ, все впередъ нашъ учитель...

И былъ нашимъ знаменемъ гордымъ и чистымъ!

И мысль его не бесплодна, и работа его полна смысла.

Обажните же головы!

И будьте достойны своего вождя—великаго сына когда то великой отчизны.

Привѣтъ Р. М. Плехановой.

Гробъ Плеханова привезла его жена.

Безсмѣйно, какъ вѣрный часовой, дежурила она возлѣ живого не только за послѣдніе мѣсяцы его недуга, но и за всю его жизнь.

Если мы хоронимъ Илеханова сегодня, а не пять, не десять или болѣе лѣтъ назадъ; если наша наука обогатилась тремя томами его замѣчательной исторіи русской общественной мысли, а международное рабочее движение ознаменовано его выступленіями по новому Интернационалу, имперіализму и войнѣ,—то этимъ мы изъ значительной мѣрѣ обязаны заботливости, сдѣланный его женой. Какъ безконечно нѣжный и любящий другъ, она следила за каждымъ движениемъ Плеханова, который еще въ 80-ые годы захватилъ легочную болѣзнь.

Она сопровождала Плеханова повсюду. Вѣѣтъ съ нимъ подвергалась преслѣдованіямъ и лишениямъ. Она отираясь за нимъ въ изгнаніе. Она поддерживала семью материально, своими трудами, когда онъ писалъ свои великия произведения. И вѣѣтъ съ нимъ, не смотря на свою сердечную болѣзнь, вернулась на родину,—едва ли не первой женщиной, которая рѣшилась преодолѣть тяготы и опасности морскаго путешествія черезъ Ламаншъ и Сѣверное море, где моряка суда безжалостно тоняли германскіе искатели.

Плехановъ буквально дни не могъ прожить безъ нея. Онъ тревожился, перепичатъ. Главное же, никакъ не могъ самъ усѣдѣть за свою здоровье.

Его лицо оживлялось широкой улыбкой, когда онъ видѣлъ ее. Въ ее сочувствіи, какъ и въ ласкахъ двухъ дочерей, которыхъ онъ обожалъ, находилъ Г. В. утѣшеніе отъ своего одиночества. Душа у него была нѣжная и страшно, болѣзнетто чуткая. И онъ любилъ людей...

Не было такого серьезнаго вопроса, такого важнаго политическаго шага, который бы Г. В. предпринялъ, не носившійся предварительно съ женой.

Они познакомились въ 78-мъ году въ одномъ изъ многочисленныхъ тогда революціонныхъ кружковъ, членомъ котораго была Розалия Марковна Боградъ.

Кружокъ склонялся къ лавровской, то есть чисто пропагандистской точкѣ зреянія. Но стремясь связаться съ другими кружками, расширить свою деятельность и свой кругозоръ, его участники обратились къ обществу „Земля и Воля“. Это общество единственно предпринимало и ту попытку организационнаго объединенія разбросанныхъ социалістическихъ ячеекъ.

Общество командировало въ кружокъ А. Михайлову и Плеханову.

Въ квартирѣ Боградъ и съ подругами на Нескакъ сходились они. Читали по истории (о работахъ изъ среднихъ вѣковъ). Читали и обсуждали статью Аксельрода объ англійскихъ професіональныхъ союзахъ.

„Жоржъ“ былъ правопріемникъ народниковъ-бакунистомъ. Онь страстно спорилъ съ лавристами. Сократовскимъ методомъ доводилъ до абсурда противника—къ яности ихъ и къ великому восторгу тѣхъ, кто былъ на его сторонѣ.

Въ спорахъ съ Р. М., которые, бывало, затягивались до утра, Г. В. и сближался съ ней.

Съ той поры 40-лѣтъ пронзилъ они вѣѣтъ, ноги изъ ногу. И она умѣла, какъ никто, нести почетное, но тяжелое бремя, быть спутницей изгнанника и гематического губительного преслѣдованія врагами, травмами противниками, исполнитио многими и многими дружами.

И когда вспоминаешь о Плехановой, рядомъ съ нимъ неизвѣстная фигура этой гордой женщины, съ поднятой головой, съ орлиными взглядомъ и крѣпко сжатыми губами.

Нерѣзкая „черезъ смерть“ и пребываніе въ Россіи губительное отразилось на организмѣ Плеханова. И что-то выѣзжало при Р. М. недоумѣніе, такъ она—врачъ—позволила ему совершить это путешествіе.

„Плеханову нельзя было оставить заграницей. Онъ долженъ быть живъ“—отѣтила она.

Она должна была жить—хотя бы на избѣжную смерть. Она видѣла въ немъ, прежде всего не мужа, не горячо любимаго человѣка,—за котораго всегда отдача бы съ радостью жизни,—но революціонера, героя и борца!

У сѣйчай могилы мы не можемъ забыть, чѣмъ была обижана Плехановъ, чѣмъ обязана вся Россія — Розалии Марковой.

Моск. Ком. Всеросс. с.-д. организациі „Единство“ изданъ и распространенъ листокъ на смерть Плеханова, который перепечатывается здесь цѣликомъ.

Умеръ Плехановъ. Умеръ нашъ вождь, нашъ другъ и учитель.

Къ вамъ, рабочие, идемъ мы съ этой го-
рестной вѣстью. Вамъ несемъ мы нашу пе-
чаль, ибо наша она, какъ и та добрѣвшая
славная жизнь, которую отдалъ покойный
дѣлу освобожденія труда изъ рабства нари-
ма и тисковъ капиталистической незолы.

Правда, всікий, кто любить родину-матерь и
всякий въ кмѣ бѣтесь сердце русскаго граж-
данина сочувственно раздѣлить съ нами гор-
рель несамѣнной утраты.

Правда, Плехановъ былъ не только соці-
аль-демократомъ, не только социал-демократомъ, но
социал-демократомъ-патріотомъ. И въ эти черные
дни, когда враги Россіи пресрѣтительно и злорадно засучиваютъ руки, готовясь засыпать
могилу, которую вырыли для нея подлый
авантюристъ одиныхъ, трусливое бунтъство
другихъ, братанье и инкуричество третьихъ,
въ эти черные дни у могилы Плеханова сой-
дутся не одни социалисты. Нѣтъ, къ ней при-
дутъ и многіе изъ тѣхъ, кто считать его
своимъ классовымъ и идеинмъ противникомъ.

Придуть и помянуть гордія слова:

„Да, я любилъ свою страну. Въ этомъ иѣть
ни малѣшаго сомній. Я люблю свою стра-
ну и никогда не считаю нужнымъ скрывать
это... И когда я теперь выражаютъ это прямо
и открыто, я уѣбрѣнъ, что никто изъ вѣль
не встанетъ, чтобы сказать: это чувство дол-
жно быть вырвано изъ твоего сердца. Нѣть,
товарищи, этого чувства любви къ многострадаль-
ной Россіи вы изъ моего сердца не выр-
вете...“ (Изъ рѣчи въ Петрогр. Совѣтѣ Раб.
и Солд. Депут. 1 Апрѣля 1917 г.).

Потеря Плеханова—національная потеря.

Больше того, въ лице Плеханова ушель
изъ мѣра одинъ изъ тѣхъ немногихъ искателей
и провозвѣстниковъ правды и истины, за
которыми движется человѣчество изъ обѣ-
ваниемъ землю всеобщаго братства и счастья.

Но только вы, товарищи, вы пролетарии, вы
обѣденные судьбой на ину жизні, только
вы во всей мѣрѣ и полнотѣ рано или поздно
почувствуете отсутствіе человѣка, писанія и
рѣчи котораго захватили чувство и мысль и
давали силу и вѣру переносить эту жизнь во
имя жизни грядущихъ поколѣній.

Только вы, товарищи, не теперь, такъ потому
скажете своимъ дѣтямъ и внукамъ: „я жилъ въ
то время, когда жила и боролась Плехановъ“.

О! Конечно! Плехановъ не забудутъ и другіе.

Слишкомъ болѣо била его безоружная
рука, и слишкомъ неизгладимыя клейма остав-
ляло его огненное, его мѣткое слово.

Но только вы, товарищи, съ чистымъ сер-
дечемъ, не лицемѣро и не лукаво, будете опла-
чивать въ немъ своего человѣка, своего учи-
теля и своего вождя, ибо освобожденіе человѣ-
чества есть прежде всего ваше кровное,
ваше рабочее дѣло.

Такимъ же вашимъ тѣломъ, тѣсно связан-
нымъ съ судьбами человѣчества, Плехановъ
считаетъ и вашу ближайшую задачу: освобо-
женіе Россіи.

Еще 30 лѣтъ тому назадъ, на зарѣ рабо-
чаго движения въ нашей странѣ, Плехановъ
сказалъ, что „революція въ Россіи будетъ
революціей рабочаго класса, или ся вовсе не
будетъ“.

Сбылись пророческія слова. Вы начали ре-
волюцію и вы продолжаете ее цѣнной неслыхан-
ныхъ мужъ и линий.

Плехановъ не дождался конца вашей борь-
бы и не увидѣлъ свободной Россіи.

Плехановъ умеръ среди чужихъ. Въ дни
богъзни и смерти ему не нашлось мѣста на
родинѣ.

Кому же какъ не вамъ, товариши, кому
какъ не вамъ понять, что значить такая смерть,
такого человѣка?

Кому какъ не вамъ найти и покарать ся
виновниковъ?

Ищите ихъ и спросите у своего ума и у
своей совѣсти: кто они, оторвавшіе рабочій
классъ отъ своего вождя и учителя?

Кто они, допустившіе, чтобы родина—матерь
лучшему гражданину и лучшему сыну, снова,
какъ въ дни царей стала злюю мачехой?

Гдѣ они, поставившіе Россію на край мон-
голіи, а революцію подъ указку германскаго
лейтенанта?

Присмотритесь и прислушайтесь, рабочіе!
Это будетъ Вашимъ лучшимъ вѣнкомъ на
гробъ дорогого учителя и товарища.

Ибо онъ былъ прежде всего революціонеръ
и борецъ и иѣнитъ выше всего остроту и
ясность сознанія.

И когда вы увидите, кто отнялъ у васъ,
у Россіи и мѣра жизни Плеханова, когда выѣ-
стѣ съ нами почувствуете не только скорбь,
но стыдъ и гнѣвъ и жгущую ненависть,— тогда
въ вашихъ сердцахъ загорится и запыла-
етъ и та любовь, которой дѣйствительно
никто не вырваль изъ сердца отца русской
соціаль-демократіи.

Пусть же найдетъ покой и миръ горячее
сердце борца, не знавшаго „перѣышъ“ и
трусливаго примиренія съ врагами рабочаго
класса и родины.

Моск. Ком. с.-д. Организациі „ЕДИНСТВО“.

Отъ временнай организаціонной комиссіи по увѣко- вѣченію памяти Георгія Валентиновича Плеханова.

Граждане.

При Московскому Комитетѣ соціаль-демократической
организаціи „Единство“, учреждается фондъ имени Г. В.
Плеханова.

Назначеніе фонда изданіе произведеній похонного пи-
сателя и устройство культурно-просвѣтительныхъ учре-
жденій для рабочихъ.

Пожертвованія принимаются въ редакціяхъ газетъ и
въ Бюро Комитета—уголъ Спиридоновки и Георгіевскаго
пер., д. 25, каждый день, кроме праздниковъ отъ 2 час.
дня до 7 час. вечера.

Въ фондъ по увѣко-
вѣченію памяти Г. В. Плеханова по-
ступило отъ:

Брюхановой	100 р.
Керлинъ	3 .
А. В.	3 .
Кузнецова	2 .
Муравьевъ	3 .
Акобянъ	3 .
Нащокина	1 .
Пичета	3 .
А. Т.	40 .
Воданова	5 .
Пирожкова К.	5 р.
Бызова	5 .
Иванницкаго	5 .
Зотовой	1 .
Финъ	5 .
Егорова	5 .
Пропорина	3 .
Пашинскаго	1 .
Соколова	2 . 15 к.
Преображенскаго	3 .
Козлова	3 .
Неизвѣстныхъ	21 . 70 .
Ермакова	4 . 50 .
Гинзбургъ	1 . 50 .
Ларина	2 . 40 .
Шидловскаго	5 .
Куракиной	3 .
Кочетковъ	1 .
Елиокуровъ	1 .
Мыснова	10 .
А. Франкфуртъ	10 .
О.	10 .
Рабочій	3 .
Денисовой	2 .
Сасржинскаго	14 . 05 .
Розенштейнъ	5 .
Неизвѣстныхъ	28 . 90 .
Поликарпова	3 .
Ливенсона	5 .
Покорской	3 .
А. Осипова	5 .
Е. Архангельской	1 .
М. Михайлова	3 .
Д. Маскарова	2 .
З. Шагова	5 .
М. К. Захаева	3 .
Н. Горностаевъ	2 .
М. Кокольский	3 .
В. Бородуліна	10 .
Неизвѣстныхъ	13 .
Неизвѣстнаго	5 .
Н. Н.	30 .
А. И. Авраамова	20 .
А. С. Аджемовой	20 .
А. И. Попова	20 .
П. Я. Гурева	20 .
Ю. В. Гуревой	20 .
А. Г. Алексѣева	10 .
А. Д. Бородуліна	50 .
Ж. Э. Маргулесъ	25 .
В. И. Скибневской	20 .
В. И. Авраамова	60 .
Н. В. Эспнова	25 .
Е. И. Михайлова	20 .
М. Шибинскаго	20 .
Команда вольно-нас- ых служащихъ	20 . 05 .
ИТОГО по 10/мѣс. включительно поступило въ фондъ семьюдцать девять руб. 05 к. (770 р. 05 к.)	

Сочиненія Г. В. Плеханова.

Редакція считаетъ своевременнымъ напомнить читателямъ о важнѣйшихъ работахъ Георгія Валентиновіча, предполагая въ ближайшемъ будущемъ выпустить исчернивающій библіографический очеркъ, съ указаніемъ даты, изданій и мѣсть ихъ первоначального поименованій.

Книги:

1. Соціализмъ и политическая Сорьба.
2. Наши разногласія.
3. Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова.
4. Къ вопросу о монистическомъ взглядѣ на исторію.
5. Исторія русской общественной мысли (I—III т.).
6. Н. Г. Чернышевскій.

Брошюры и статьи:

А. Литература!

1. Наши беллетристы-народники.
2. Н. А. Некрасовъ.
3. Судьбы русской критики.
4. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. съ точки зрѣнія соціологии.
5. Объ искусствѣ.
6. Искусство первобытныхъ народовъ.
7. Еще объ искусствахъ первобытныхъ народовъ.
8. Пролетарское движение и пролетарское искусство.
9. Пессимизмъ П. А. Чаадаева.
10. Идеология мѣщанина нашего времени.
11. Сынъ доктора Штокмана.
12. Генрихъ Ибсенъ.
13. Смыщеніе представлений (о Л. Н. Толстомъ).
14. Враги (о „Врагахъ“ М. Горькаго).

Б. Философскія, философско-историческія и экономическія.

1. Къ вопросу о роли личности въ исторіи.
2. Сант противъ Канта.
3. Бернштейнъ и матеріализмъ.
4. Конрадъ Шмидтъ противъ К. Маркса и Ф. Энгельса.
5. Матеріализмъ или кантіанизмъ.

6. Къ шестидесятой годовщинѣ смерти Гегеля.
7. Примѣчанія къ „Людвигу Фейербаху“ Энгельса.
8. Отвѣтъ Г. Богданову.
9. Трусливый идеализмъ.
10. Анри Бергсонъ.
11. Іосифъ Дицгенъ.
12. Основные вопросы марксизма.
13. О религіи.
14. Еще о религіи.
15. О книгѣ Лютгенау.
16. О материалистическомъ пониманіи исторіи.
17. Нѣсколько словъ въ защиту экономического материализма.
18. Новое направление въ области политической экономіи.
19. Экономическая теорія Родбертуса.
20. Гньї П. Струве въ роли критика Марковой теоріи общественного развитія.

21. Отъ идеализма къ материализму.
22. Утопический соціализмъ на Западѣ.
23. Герценъ— эмигрантъ.
24. В. Г. Бѣлинский.

В. Публицистика.

1. Есероссійское разореніе.
2. Задачи соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ.
3. О соціальной демократіи въ Россіи.
5. Новый защитникъ самодержавія или горе г-на Тихомирова.
6. Анархизмъ и соціализмъ.
7. Критика теоріи и практики синдикализма.
8. Дневникъ соціаль-демократа.
9. Письма о тактикѣ и безтактности.
10. Замѣтки публициста. (новые письма о тактике).
11. О войнѣ.
12. Война и патріотизмъ.
13. Война и вопросы соціализма.
14. Война и защита отечества.
15. Дѣл линіи революції.

Государственная
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
в Ленинграде.

Сообщенія

о послѣднихъ дняхъ жизни Г. В. Плеханова,
о его похоронахъ, а также отклики печати
на смерть его будутъ даны въ слѣдующемъ
номерѣ.